

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ИНТЕЛЛИГЕНТА В МАЛОЙ
УЗБЕКСКОЙ ПРОЗЕ РУБЕЖА XX–XXI ВЕКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ
РАССКАЗА А. ЮЛДАШЕВА «ПУАНКАРЕ»)**

Исаева Юлия Павловна,

*преподаватель Джизакского государственного педагогического
университета им. А.Кадыри, Джизак, Узбекистан*

***Аннотация.** В статье исследуется специфика концепции героя в жанровой системе малой прозы Узбекистана на примере рассказа Абдукаюма Юлдашева «Пуанкаре». Проанализирована эволюция образа героя-интеллекта, чьи научные устремления сталкиваются с прагматичной реальностью рубежа веков. Особое внимание уделено психологической деструкции персонажа, вызванной глубоким социальным отчуждением. В ходе текстологического анализа выявлено, что повествование от первого лица служит ключевым инструментом раскрытия внутреннего надлома личности. Авторская позиция не декларируется прямо, а растворяется в субъективном восприятии рассказчика, что позволяет избежать назидательности и углубить трагизм произведения.*

***Ключевые слова:** концепция героя, малая узбекская проза, А. Юлдашев, «Пуанкаре», герой-интеллигент, экзистенциальный кризис, образ ученого, деструкция личности, давление социума*

Литературный процесс в Узбекистане на рубеже XX–XXI столетий характеризуется активным обновлением художественных систем и изменением самого взгляда на человека. В этот период малая проза становится полем для наиболее напряженных эстетических и философских поисков. Одной из центральных задач современного литературоведения в контексте изучения концепции героя является анализ того, как писатели реагируют на тектонические социальные и духовные сдвиги эпохи. Особый интерес

вызывает фигура героя-интеллекта, мыслящего человека, чье мировоззрение формировалось в одной системе координат, а зрелость и профессиональная деятельность пришлись на период жесткой прагматизации общественных отношений.

Проблема героя и автора остается фундаментальной категорией литературоведческого дискурса. Развивая классические положения М. М. Бахтина о диалогических отношениях между автором и персонажем [4], современная узбекская критика стремится осмыслить, как через частную судьбу человека выражаются глобальные изломы времени. Малая проза как динамичная жанровая форма чутко фиксирует эти изменения. Писатели отказываются от схематичных, плакатных образов советского периода, переходя к исследованию глубоких внутренних противоречий личности, ее изоляции и экзистенциального одиночества.

В данном контексте весьма репрезентативно творчество известного узбекского прозаика Абдукаюма Юлдашева. Его малая проза, в частности рассказ «Пуанкаре», предлагает оригинальную интерпретацию типа одержимого идеей героя-интеллекта — ученого-математика, чей потенциал оказывается зажат и раздавлен консервативными механизмами социума, жесткими бытовыми рамками и традициями среды. Анализ трансформации этого образа позволяет выделить важные закономерности развития национальной малой прозы рубежа веков, что напрямую соотносится с задачами исследования концепции героя в современной литературе.

Художественная ткань рассказа «Пуанкаре» полностью подчинена субъективному восприятию рассказчика-героя. Использование повествовательной формы от первого лица позволяет автору максимально приблизить читателя к внутреннему миру персонажа, сделать его признание предельным по уровню искренности. Концепция героя раскрывается Юлдашевым через постепенное обнажение психологической травмы, где внешние бытовые детали служат триггерами для ретроспективных воспоминаний.

Большую смысловую нагрузку в рассказе несет образ старого кожаного портфеля. Эта деталь, купленная героем тридцать пять лет назад в Москве во времена его студенческой юности, превращается в символ нереализованных надежд: «он сморщился, как мое лицо, постарел, во многих местах потерялся, появились пролысины, напоминая мою лысую голову. Вещи под стать хозяину. Мало этого, он еще как мешок стал, совсем форму потерял, положу что-нибудь внутрь, слегка выпрямится, как пойманный гусь, но ненадолго, чуть погода опять съежится, согнется. Замок, бедняга, когда-а-а уже вышел из строя: я устаю его закрывать, а он не устает: «чик» – и открывается» [4]. Значимость этой детали зафиксирована автором в самом начале произведения: «этот портфель создал имидж вашего покорного слуги: студенты, коллеги не могли представить меня без него» [4]. Юношеский, романтический этап становления ученого был отмечен абсолютной верой в безграничные возможности человеческого разума и в то, что судьба находится в его собственных руках. Ради великой цели — доказательства гипотезы Пуанкаре — молодой математик добровольно шел на самоограничение, урезая сон наполовину, чтобы посвятить каждую свободную минуту штурму сложнейшей научной вершины. Главный герой вспоминает: «Я всегда любил дисциплину, старался точно распределить каждый свой час. Поэтому сократил свой сон наполовину и сэкономленное время...» [4]. Этот образ увлеченного идеей героя-интеллекта глубоко традиционен для мировой литературы, однако Юлдашев помещает его в специфический контекст слома эпох, где интеллект зажат рамками новой прагматичной реальности.

Трагедия героя разворачивается в плоскости жесткого столкновения идеализма мыслящей личности с прагматичным социумом, устоявшимися традициями и обычаями среды. Общественный уклад, требующий от человека понятных, приземленных действий, материального успеха и следования вековым ритуалам быта методично раздавливает творческий потенциал математика. Интеллектуальный труд, требующий колоссального напряжения сил, в расчетливом мире рубежа веков обесценивается общественным

мнением и вытесняется примитивными заботами о выживании.

Постепенно внешнее давление социума и традиций перерастает во внутреннюю катастрофу — деструкцию психики. Бытовая неустроенность, хроническая экзистенциальная усталость, фанатичная фиксация на неуловимой математической истине на фоне абсолютного одиночества подтачивают ментальное здоровье персонажа. Юлдашев показывает, как высокая абстрактная мечта, оторванная от требований реального земного социума, становится разрушительной силой. Погоня за разгадкой тайн Вселенной оборачивается потерей контроля над собственным разумом. Экзистенциальный тупик разрешается безумием.

Финал рассказа фиксирует закономерный и одновременно страшный итог этого процесса — пребывание бывшего ученого в психиатрической клинике. Пространство сужается до больничного коридора и комнаты для встреч, куда больной выходит в сопровождении двух крепких санитаров. Его жизненный, профессиональный и личностный крах завершается пронзительной, почти метафизической мольбой к Богу вернуть его на тридцать лет назад — в ту точку, где он еще был счастлив, здоров и полон надежд. В текстовую ткань встроена подлинная финальная фраза героя: «— Господи! верни меня на тридцать лет назад, Господи... Господи, верни меня на тридцать лет назад...» [4]. Но этот внутренний крик сменяется тишиной: голос героя окончательно затихает в глубине коридора, символизируя окончательное угасание личности, сломленной неподъемным бременем социальных обстоятельств.

В рассказе «Пуанкаре» форма авторского присутствия лишена прямого дидактизма. А. Юлдашев не судит своего героя и не навязывает читателю готовых моральных оценок. Авторская позиция имплицитно растворяется в исповедальном тоне повествования. Через живую, эмоционально неровную речь персонажа читатель самостоятельно реконструирует сложную, порой жестокую картину мира. Писатель концентрирует внимание на внутренних переживаниях героя, благодаря чему рассказ приобретает черты глубокой

психологической драмы и экзистенциальной притчи о судьбе мыслящего человека в безвоздушном пространстве безразличия.

Анализ рассказа А. Юлдашева «Пуанкаре» позволяет сделать вывод о существенной эволюции концепции героя в узбекской малой прозе рубежа XX–XXI веков. На смену однозначным персонажам приходит сложный тип героя-интеллекта, чья судьба отмечена печатью экзистенциального трагизма.

Трансформация образа ученого в произведении демонстрирует глубокий кризис идентичности личности, оказавшейся раздавленной давлением социума на сломе исторических эпох. Одержимость высокой научной идеей, сталкиваясь с социальной изоляцией и бытовой рутинной, приводит не к триумфу, а к ментальному разрушению и безумию. Писатель мастерски использует форму повествования от первого лица, чтобы показать внутреннюю боль «лишнего человека» нового времени.

Материал рассказа доказывает, что современная малая проза успешно уходит от дидактичности, фокусируясь на композиционной динамике, реалистической достоверности и тонком психологизме. Анализируемый тип героя («интеллигент») является важным звеном в общей типологической системе персонажей узбекской литературы указанного периода, отражая подлинные драматические противоречия человеческого бытия.

Источники и литература

1. Ахмедова М. М. Рассказчик-герой в произведениях А. Юлдашева (Йулдашева) (рассказы «Пуанкаре» и «Близницы») // *Universum: филология и искусствоведение*. — 2020. — №11(78). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasskazchik-geroy-v-proizvedeniyah-a-yuldasheva-yuldasheva-rasskazy-puankare-i-bliznitsy>
2. Бахтин М. М. *Проблемы поэтики Достоевского* / Михаил Михайлович Бахтин. — М.: Издательство АСТ, 2024. — 448 с.
3. Хализев В. Е. *Теория литературы: Учебник*. — 4-е изд., испр. и доп. — М.: Высшая школа, 2005. — 405 с.
4. Юлдашев А. Пуанкаре. *Перевод с узбекского Саодат Камиловой*. — «Звезда Востока» №1/2013. — URL: <https://www.ziyouz.uz/ru/proza/uzbekskaya-sovremennaya-proza/1308-abdukayum-yuldashev-puankare-rasskaz>